

Научная статья

УДК 78

DOI: 10.56620/2227-9997-2025-1-62-77

Церковный компонент в календарной традиции юго-восточных районов Калужской области

Варвара Петровна Калюзная

Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва, Россия,

v.kalyuzhnaya@gnesin-academy.ru,

<https://orcid.org/0009-0006-8591-6684>

Аннотация: Статья посвящена выявлению форм взаимодействия двух культурных моделей, традиционной и христианской, в одной из верхнеокских календарных традиций, локализованных в восточной части Калужской области. Анализ музыкально-поэтических текстов, наполняющих местный народный календарь, а также некоторых обрядовых практик обнаруживает их тесную связь с православной церковной традицией. Предположительно данный феномен обусловлен уникальным историко-культурным ландшафтом, сложившимся на востоке Калужской губернии, одним из важнейших элементов которого была высокая концентрация монастырей. Выявление механизмов взаимодействия двух культурных систем на материале верхнеокской календарной традиции демонстрирует не только ее самобытность, но и возможность изучения иных традиций в подобном ракурсе, что, в свою очередь, способно расширить исследовательское представление о многомерности народной культуры.

Ключевые слова: христианская культура, народная культура, культурное взаимодействие, народный календарь, песни-загадки, весенние заклички, тропарь Пасхи, тропарь Рождества

Для цитирования: Калюзная В. П. Церковный компонент в календарной традиции юго-восточных районов Калужской области // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2025. № 1. С. 62–77. DOI: 10.56620/2227-9997-2025-1-62-77

Original article

Church component in the calendar tradition of the south-eastern districts Kaluga region

Varvara P. Kalyuzhnaya

*Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia,
v.kalyuzhnaya@gnesin-academy.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8591-6684>*

Abstract: The article is devoted to identifying forms of interaction between two cultural models, traditional and Christian, in one of the Upper Oka calendar traditions, localized in the eastern part of the Kaluga region. An analysis of the musical and poetic texts that fill the local folk calendar, as well as some ritual practices, reveals their close connection with the Orthodox church tradition. Presumably this phenomenon is due to the unique historical and cultural landscape that developed in the east of the Kaluga province, one of the most important elements of which was a high concentration of monasteries. Identification of the mechanisms of interaction between two cultural systems based on the material of the Upper Oka calendar tradition demonstrates not only its originality, but also the possibility of studying other song systems from a similar perspective, which, in turn, can expand the research understanding of the multidimensionality of folk culture.

Keywords: christian culture, folk culture, cultural interaction, folk calendar, riddle songs, spring calls, Troparion of Easter, Troparion of the Nativity

For citation: *Kalyuzhnaya V. P. Church component in the calendar tradition of the south-eastern districts Kaluga region. Scholarly papers of Gnesin Russian Academy of Music. 2025;(1):62-77. (In Russ.). DOI: 10.56620/2227-9997-2025-1-62-77*

Одним из важнейших этапов формирования традиционной культуры восточных славян стало принятие и усвоение ими христианства. Этот процесс, продолжавшийся не одно столетие, до некоторой степени соединил несоединимое: две культурные модели, «старую», традиционную, и «новую», христианскую. С. М. Толстая, посвятившая данной проблематике ряд научных статей¹, указывает на то, что характер и формы их вза-

¹ См., например: Толстая С. М. О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. Москва: Русский фонд содействия образо-

имодействия складывались как система оппозиций, в числе которых, прежде всего, «свой — чужой», а также «устный — книжный», «неофициальный — официальный», «стихийный — сознательный» [1, 111]. По своей содержательной основе традиционная и христианская культурные модели также находятся в оппозиционных отношениях: первая формируется на основе мифологической картины мира, вторая — религиозной². Вместе с тем, являясь фактически целостными культурными системами, рассматриваемые модели обнаруживают общность структуры: каждая из них включает комплекс представлений о мире, определенные ритуальные формы и обширный корпус художественных текстов [там же].

Очевидно, что процесс усвоения народной культурой христианских элементов и их адаптации, продолжавшийся на протяжении длительного времени, не был ни строго поступательным, ни синхронным в разных регионах Российского государства. Степень воцерковленности населения в разные периоды определялась в том числе наличием поблизости монастырей, обладавших имущественными правами как на земли, так и на крестьян. Для последних они становились не только точками религиозного притяжения, но и работодателями [2, 8]³.

Характер взаимодействия традиционной и христианской культур следует признать одновекторным: народная традиция как более гибкая и адаптивная усваивала христианство в различных его проявлениях [1, 112]. Христианские элементы внедрялись и в бытовую, и в ритуальную сферы жизни крестьянской общины, однако очевидно, что разные области народной культуры демонстрируют разную степень вовлеченности в этот процесс. Основным полем укоренения элементов христианской культуры, безусловно, является народный календарь и связанные с ним обрядовые практики. Наиболее вероятная причина этого явления — наличие у христианской Церкви⁴ собственной календарной системы, более развитой и централизо-

ванию и науке, 2015. С. 121–137; Толстая С. М. Три мира польских колядок // Там же. С. 169–178; Толстая С. М. Следы древнеславянской апокрифической традиции в полесском фольклоре: «Сказание о 12 пятницах» // Там же. С. 200–214.

² Выражая содержание описываемой дихотомии терминами «мифологический» и «религиозный», С. М. Толстая очевидно противопоставляет их как сферы образно-символического и догматического, воплощаемого в виде культа. О фундаментальных различиях мифологического и религиозного как типов мышления — см., например: Шапошникова Л. В. Космическое мышление и новая система познания // Космическое мировоззрение как концепция науки XXI века: Материалы Международной научной конференции 2004 года. Саратов: Государственный научно-технический университет, 2005. С. 18.

³ После 1917 года монастыри продолжали пребывать в этой роли в течение некоторого времени. Теперь их бывшим насельникам зачастую приходилось жить среди мирян (в том числе образуя монашеские общины), однако они по-прежнему пользовались значительным духовным авторитетом [3, 128, 136].

⁴ Христианство на восточнославянских землях конфессионально неоднородно: доминирующая роль принадлежала Православной церкви, на территории нынешних Беларуси и Украины было распространено католичество. В настоящее время такое соотношение сохраняется, дополняясь очагами протестантизма.

Карта 1. Обследованные территории верхнеокского бассейна в границах Калужской области

Map 1. Surveyed areas of the Upper Oka basin within the boundaries of Kaluga oblast

ванной по сравнению с традиционной. В период крещения Руси годовой круг богослужений на ее основе уже сложился.

Можно предположить о существовании в русской календарной традиции множества форм и механизмов взаимодействия с христианской моделью, обусловленных самыми разными факторами, в числе которых — сроки освоения различных земель, связанные с ними последующие миграционные процессы, наличие в том или ином регионе монастырей, их статус и т. п. В этой статье фокус внимания сосредоточен на территории, принадлежащей верхнеокскому культурному массиву. Она охватывает юго-восточную часть Калужской области, а именно: Козельский, Перемышльский и частично Ульяновский районы (карта 1).

Общение с местными жителями пожилого возраста, состоявшееся в ходе полевых исследований последних лет⁵, демонстрирует значительную степень их воцерковленности, не зависящую от фактов посещения храма и их регулярности. Информанты подчеркивают свою приверженность церковным нормам в советский период, с гордостью говорят о благочестии старших родственников. Местные жители, по их утверждениям, всегда соблюдали устав-

⁵ Имеются в виду экспедиции 2019–2022 гг. под руководством автора статьи, материалы которых хранятся в фонде Музыкально-этнографического центра (МЭЦ) имени Е. В. Гиппиуса РАМ имени Гнесиных.

ные периоды воздержания от пищи, особенно Великий пост. Повсеместно распространенным запретам на работу в большие церковные праздники здесь придавалось особое значение: их старались не нарушать, несмотря на сопряженные с этим трудности в советское время⁶. Подобные обычаи могут показаться тривиальными, однако они приобретают большой вес в сравнении с ситуацией в центральных районах Калужской области, расположенных к западу от обозначенной территории. Сопоставление этнографических данных более чем вековой давности, в частности, материалов «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева [4], с современной экспедиционной информацией позволяет утверждать, что в центральной части региона подобные запреты и предписания были практически не актуальны. Соответственно, можно предположить, что высокий градус церковности населения юго-востока — устойчивый признак местной традиции, который должен иметь под собой определенные основания. Их мы находим в историческом прошлом и настоящем калужского Поочья в обозначенных границах.

С точки зрения истории Православной церкви, территории юго-востока Калужской области представляют собой особое место. В начале XVII века это монастырский край: по сравнению с остальной территорией Калужской губернии, а также с соседней Тульской, концентрация монастырей здесь была чрезвычайно высокой (карта 2). Часть земель в районе слияния рек Оки и Жиздры даже получила устойчивое топонимическое обозначение — «Монастырщина»⁷ [2, 3] (карта 3⁸). «Монастырщина», «обычай монастырский» — названия и самоназвания, которые выделяли местных жителей на общем фоне. Они сохранялись и после упразднения большинства наиболее северных монастырей в конце XVIII века, оставаясь актуальными вплоть до начала 1930-х годов, когда эти места обследовала М. Е. Шереметева — калужский историк и этнограф. Ее наблюдения подкрепляются словами информантов о том, что в монастырских селах *«лучше старина держалась»* [2, 11].

Выше по Оке находилась еще одна группа обитателей с духовным центром в Оптиной пустыни⁹. Сюда в период XIX — начала XX веков стекалось множество паломников; Оптину пустынь посещали и местные крестьяне, для которых она по сей день является своего рода «церковным маяком».

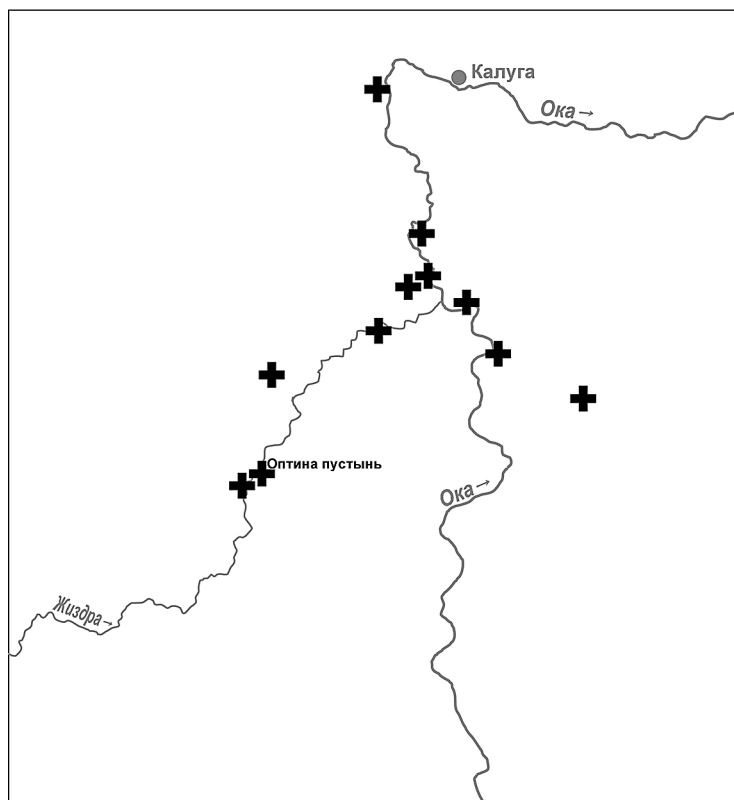
В здешних монастырях паломников, помимо прочего, привлекали и продолжают привлекать святые источники. На юго-востоке Калужского реги-

⁶ По утверждениям информантов, крестьяне в калужских колхозах и совхозах работали без выходных.

⁷ Территория «Монастырщины» не была сплошной: составлявшие ее монастырские селения и угодья располагались чересполосно с помещичьими владениями.

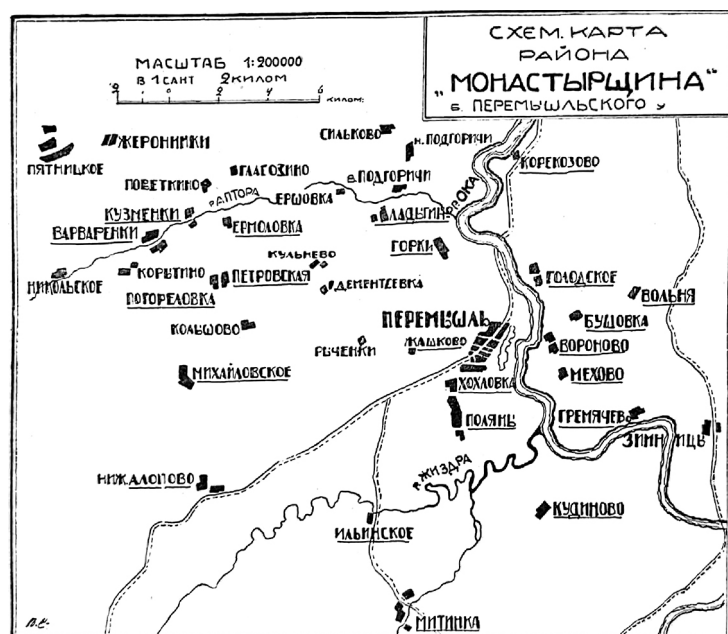
⁸ Карта составлена М. Е. Шереметевой [2, 4].

⁹ Введенский ставропигальный мужской монастырь Оптина пустынь ведет свою историю с конца XVI века, однако особую известность он получил, начиная с первой трети XIX столетия в связи с явлением старчества. Обитель была закрыта в 1918 году, ныне возрождена и является одним из крупнейших и известнейших монастырей православного мира.

Карта 2. Монастыри юго-востока Калужской губернии в XVIII–XX вв.

Map 2. Monasteries of the south-east of Kaluga province in the 18th–20th centuries

Карта 3. Район «Монастырщина» на территории бывшего Перемышльского уезда Калужской области

Map 3. Monastyrshchina district in the former Peremyshl uyezd of Kaluga oblast

она с устойчивой церковной традицией почитания целебных ключей соотносится аналогичный народный обычай¹⁰. В ходе экспедиционных опросов обнаружилось, что свой святой источник (колодец) имелся практически в каждой деревне. К сожалению, выявить ритуальные формы актуализации таких объектов не удалось почти нигде, за исключением деревни Вороново Перемышльского района. Здесь накануне Петрова дня (по другим сведениям, на Троицу) к источнику приходили девушки и женщины и купались в нем. Рубашки, в которых они пришли, развешивались на кустах вокруг колодца. Информант отмечает, что обратно одежду не забирали. Кроме того, купающиеся кидали в воду монеты:

— У нас святой колодец в овраге. У нас огромный... оврах, туда и спускаешься и там, как... В лесу. Стоит колодец. К колодцу этому — раньше там была часовня, часовня уже повалилася, её уже нет, осталось только место. И остался колодец. Из чего он сделан — вот сейчас зайдёшь, я приедай — он стоит и будет ещё простоит двести лет. Ничего ему не будет. И туда обязательно перед Петровым днём нас брала бабушка с собой: «Так, беритя одёжу с собой!» Рубаху я беру с собой — как обычно, рубаху, там, что. Плаття одеваешь. Всё! Приходим. Никогда никто не заболел! Всех нас... в этом колодце... Обмываемся. Там лес, ребят конечно не берём мужиков, одни девки. И всё. Так! Всю эту, что ты пришла в рубашке в этой, ты оставишь её на кустах. И на кустах вешали. И вот они висят. Куда они потом, ветром ли их унесёт...

— **Насовсем оставляли?**

— Оставляли. Совсем.

— **У вас в деревне так было принято?**

— В деревне заведено. <...> Искупаемся, рубахи свои повесим — рубашки-то там какие, ситцевые были, Господи — на эту, на кусты, и всю свою болезнь там оставляешь, как она говорила, всё... <...> И туда обязательно, вот идёшь, что-то, копейку серебро, но кинешь. Там дно! И никто не возьмёт! Она вот вроде бы глубина-то — метр или полтора, дно устлано, и чтоб кто-то взял копейку поднял — ни в коем случае»^{11, 12}.

Взаимодействие народного календаря со сферой церковной православной культуры не ограничивается включением святого источника в один

¹⁰ Подробнее об этом — Шереметева М. Е. Почитание источников в Калужском крае [1934 г.] // Труды по истории и антропологии религии (1929–1946 гг.) / Сост., подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 196–216.

¹¹ Бабынинский р-н, пос. Газопровода (с/п Сабуровщино). Расск. Сечкина Р. М. (1948, род. в д. Вороново Перемышльского р-на). Записли: Калужная В., Горецкий А., Словка Л., 2019. РАМ, CD 5368–50.

¹² Аналогичное свидетельство имеется в материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, полученных одним из его корреспондентов в 1899 году в д. Ягодная Козельского уезда (ныне Ульяновский район): «Из всех же видов воды считается наиболее чистой ключевая вода; вода же от ключей, так называемых "громовых", т.е. образовавшихся от удара молнии, считается целебной; над такими ключами делается "обруб", который покрывается крышей; в таких ключах-колодцах женщины купают слабых детей» [4, 395].

из обрядовых комплексов. Особый интерес в свете заявленной проблематики представляет музыкальное наполнение местного календарного цикла. Отметим, что собственно обрядовые жанры представлены здесь скупо и ограничиваются песнями святочных гаданий (гадальными), весенними закличками и единичными образцами масленичных напевов. Восполняют музыкальный код календарных ритуалов образцы вторично приуроченных жанров — хороводные и лирические песни; некоторые из них берут на себя функции обрядовых маркеров. В такой же роли выступают здесь церковные песнопения. Это тропарь Пасхи и три главных рождественских текста — ирмос¹³, тропарь и кондак, составляющие единый музыкально-поэтический комплекс.

Наибольшую связь с церковно-певческой традицией демонстрируют местные версии тропаря Пасхи. Здесь его пели на протяжении 40 дней, а согласно материалам «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, — и во время Великого поста [4, 358]¹⁴. В Ульяновском районе исполнение тропаря называется «христоску петь», о его постоянном звучании в послепасхальный период уверенно сообщают даже сравнительно молодые информанты. Несмотря на это, гнесинская коллекция, к сожалению, содержит крайне мало местных образцов пасхального тропаря — всего семь, причем шесть из них записаны в последние несколько лет.

В восточнославянской традиции народные версии пасхального тропаря выступают в качестве одного из ярких маркеров весеннего календарного периода практически повсеместно. Степень их фольклоризации может быть различной — от почти точного следования церковным первоисточникам до выраженной ритмической и ладомелодической индивидуализации, соответствующей облику той или иной музыкальной традиции. Опираясь на немногочисленные на сегодня исследования в этой области, можно отметить, что наибольшим консерватизмом в отношении канонических напевов отличаются традиции позднего формирования, в частности сибирские. Е. И. Исмаилова, исследовавшая фольклоризированные православные песнопения сибирского региона, отмечает, что источником для народных транскрипций там служит исключительно четырехголосный обиходный напев 5 гласа [7, 48], который в церковно-певческой среде также реализуется во множестве локальных музыкальных версий, поскольку бытует в ней в устной форме. В западнорусских традициях тропарь Пасхи имеет разнообразные музыкальные воплощения, опирающиеся на стадийно разнородные первоисточники. М. А. Енговатова, в статье которой пасхальный тропарь впервые

¹³ Имеется в виду ирмос 1-й песни канона Рождеству Христову.

¹⁴ Исполнение тропаря Пасхи в период предшествующего ей Великого поста известно, главным образом, на русском Западе. Канонический вербальный текст при этом чаще всего заменяется другим — обрядовым [5, 274–276]. Подобное явление зафиксировано и в Калужской области: с полной заменой текста — в Людиновском районе, с частичной — в Хвостовичском [6, 92–93].

получил научное осмысление как часть народно-певческой культуры [8], указывает в качестве первоисточника все тот же напев из четырехголосного обихода, упомянутый выше. Фундаментальное исследование тропаря Пасхи в русской фольклорной традиции, предпринятое С. В. Подрезовой, обнаружило, что основу его народных версий могут составлять значительно более ранние источники. На Смоленщине такими являются варианты знаменного распева в киевском изводе [5, 118].

Верхнеокские образцы пасхального тропаря демонстрируют чрезвычайно близкое родство с церковным первоисточником, в качестве которого выступает обиходный напев 5 гласа, широко распространенный в современной певческой практике. Ритмическая форма его местных версий выстраивается в соответствии с «оригиналом» — из трех периодов, границы которых выделены долгими слоговыми временами. Ладовая основа, как и в первоисточнике, формируется за счет противопоставления нижней субопоры главному опорному тону и реализуется в заданных ритмосинтаксических рамках по схеме I→II II→I II→I. Вариативность, определяющая индивидуальный облик каждого образца, проявляется на уровне музыкального ритма и мелодического контура напевов, однако степень ее незначительна (пример 1).

Пример 1. Тропарь Пасхи¹⁵

Example 1. Troparion of Easter

В деревне Дешовки период от Вознесения до Троицы, когда пасхальный тропарь уже не поют, отмечен особым музыкальным знаком, также связанным с церковной певческой традицией. В этой роли выступает припев из популярного акафиста иконе Божьей Матери «Утоли моя печали» — песнопение, не входящее в богослужебный литургический круг. Здесь он называется «Радуйся» и звучит на протяжении десятидневного периода в том же режиме, что и тропарь Пасхи, то есть практически постоянно (пример 2).

¹⁵ Калужская обл., Ульяновский р-н, с. Крапивна (Мелиховское с/п). Пели: Купреева Е. Д. (1964), Кузнецова Н. В. (1961). Записали: Калужная В., Зубкова Л., Иркина Е., 2022. Архив Музыкально-этнографического центра имени Е. В. Гиппиуса РАМ имени Гнесиных (далее — МЭЦ РАМ), DVD 2521–234_131. Нотировала Калужная В.

Пример 2. Припев акафиста иконе Божьей Матери «Утоли моя печали»¹⁶

Example 2. Chorus of the Akathist to the Icon of the Mother of God "Utoli moye pechali"

Еще одной сферой календарного бытования церковных жанров в Поочье являются обходы дворов, совершаемые ранним утром в день Рождества. Здесь это называется «христославить». Участники обходов исполняют три праздничных богослужебных текста — ирмос 1-й песни Рождественского канона, тропарь и кондак Рождества Христова. В богослужебной практике все эти тексты принадлежат разным гласам и распеваются, соответственно, на разные напевы; кроме того, ирмос и пара «тропарь-кондак» разведены по времени исполнения. В местной традиции все тексты исполняют подряд на один напев строго в указанном порядке.

К сожалению, записи этого рождественского «цикла» в нашей коллекции малочисленны — их всего четыре, хотя упоминания о нем зафиксированы практически в каждой деревне, в том числе с неритмизованным проговариванием всего текста или его фрагментов. Из имеющихся образцов один представляет собой исполнение одного лишь тропаря на канонический для него напев 4 гласа (из многоголосной обиходной практики), практически в полном соответствии с церковным первоисточником. Три другие образца опираются на собственные напевы, в которых обнаруживаются черты двух систем музыкальной организации — фольклорной и церковно-певческой. В отличие от известных гласовых напевов, сложенных из двух-трех мелодико-ритмических построений, они реализуют всего одну музыкальную формулу. Ее интонационный контур, который начинается со скачка объемом от терции до сексты, нетипичен для современного осмогласия. Вместе с тем ритмика этих напевов выстраивается в точном соответствии с принципами распевания богослужебных текстов: опорными являются первый и последний ударные слоги, а участок между ними имеет подвижный слоговой норматив (пример 3).

¹⁶ Калужская обл., Козельский р-н, д. Дешовки (Дешовское с/п). Пели: Простова Р. Г. (1941, с. Березичи), Ныrkova М. И. (1947). Записали: Калюжная В., Зубкова Л., Иркина Е., 2022. Архив МЭЦ РАМ, DVD 2510–1360. Нотировала Калюжная В.

Пример 3. Ирмос канона и начало тропаря Рождества Христова¹⁷

Example 3. Irmos of the canon and the beginning of the troparion of the Nativity of Christ

$\text{♩} = 110$

Хри - стос ра - жа - е - тца, сла - ви - те,
Хри - стос с Ни - бес, гри - ши - те,
Хри - стос на зе - мле, во - зна - си - те - ся,
ва - спо - йте, лю - ди, я - ка пра - сла - ви - тца.
Ра - же - ство Тва - ё, Хри - сте Бо - же нас,
ва - сси - я ми - ро - ви Свет Ра - зу - ма,

Элементы музыкальной организации церковно-певческих жанров можно обнаружить и в обрядовых песнях юго-востока Калужской области, прежде всего, в весенних закличках. Из восьми интонируемых образцов¹⁸, хранящихся в гнесинской коллекции, четыре имеют мобильные параметры ритмической структуры. Среди них выделяется закличка из с. Березичи Козельского района¹⁹, в которой обрядовый текст распевается на церковный тропарный напев 4 гласа (пример 4). В богослужебной практике этот напев — один из наиболее употребимых, в местной фольклорной традиции им озвучивается тропарь Рождества.

В трех других образцах закличек сохраняются узнаваемые контуры напева 4 гласа, прежде всего, ритмические, а в образцах из д. Клюксы Козельского района — и звуковысотные. Подобно местным версиям рождественских песнопений, такие заклички содержат мелодико-ритмическую формулу, ритмическая организация которой отвечает правилам распевания богослу-

¹⁷ Калужская обл., Перемышльский р-н, д. Гулёво (Макаровское с/п). Пела Дряничева А. Г. (1935). Записали: Калюжная В., Зубкова Л., Иркина Е., 2022. Архив МЭЦ РАМ, DVD 2536–1419. Нотировала Калюжная В.

¹⁸ Большая часть весенних закличек, записанных в Поочье в разные годы, представляет собой неинтонируемые поэтические тесты, которые в ряде случаев организованы ритмически.

¹⁹ Запись сделана в д. Дешовки того же района.

Пример 4. Весенняя закличка²⁰

Example 4. Calling for spring

жебных текстов. Однако если в ее «рождественской» версии долгое слоговое время приходится на первый ударный слог стиха, в «весенней» оно соответствует последнему ударному слогу и сопровождается мелодическим нисходящим скачком.

Количество коротких слогов, которые предшествуют долгому ударному, может быть различным, однако обращает на себя внимание их близкая высотная позиция, благодаря которой эта последовательность напоминает читок в гласовых напевах²¹. В закличках, зафиксированных в Козельском районе, описанная мелодико-ритмическая формула соответствует двум начальным слоговым группам стиха, выступающим в роли зачина, а затем ее сменяют построения со стабильной восьмивременной структурой (пример 5). Таким образом, анализируемые напевы являют собой примеры разных форм адаптации церковно-певческой музыкальной модели к фольклорной.

Пример 5. Весенняя закличка²²

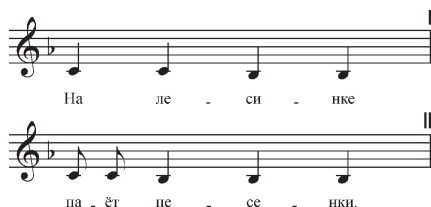
Example 5. Calling for spring

²⁰ Калужская обл., Козельский р-н, д. Дешовки (Дешовское с/п). Пела Простова Р. Г. (1941, с. Березичи). Записали: Калюжная В., Зубкова Л., Иркина Е., 2022. Архив МЭЦ РАО, DVD 2510–1361. Нотировала Калюжная В.

²¹ Читок представляет собой последовательность кратких слогов, звучащих на одной высоте. Их количество весьма вариативно (от одного до десяти и более силлабохорон), что позволяет пропевать стихи прозаических текстов разной продолжительности.

²² Калужская обл., Козельский р-н, д. Ключсы (Дешовский с/с). Пела Соловьёва Е. С. (1913). Записали: Трохин В., Ляшков Ю., 1982. Архив МЭЦ РАО, CD 4238–12. Нотировала Калюжная В.

Наименее очевидной музыкально-обрядовой сферой местной традиции, в которой можно проследить влияние церковно-певческой системы, являются песни-загадки, которые сопровождали святочные гадания с украшениями (кольцами, серьгами и т.п.). В гнесинской коллекции имеется девять локальных напевов, почти все они записаны в 1980-е годы. Пожалуй, наиболее яркой особенностью местных *гадальных* песен в сравнительно узких географических рамках является их значительное ритмическое разнообразие: среди имеющих образцов нет даже двух одинаковых напевов. Среди составляющих их ритмоформул есть как стабильные — четырех- и пятисложные, так и мобильные, чьи временные рамки и слоговой норматив меняются от строфы к строфе. Подобные построения встречаются в половине местных напевов, причем появляются они исключительно в сольных запевах-загадках, соответствующих первому ритмическому периоду, тогда как припевы опираются на стабильные ритмические конструкции. Анализ построений с мобильной структурой показал, что в большинстве случаев последний ударный слог каждой слоговой группы выделен долгим временем, то есть музыкально-ритмические формулы устроены по тому же принципу, что и в весенних закличках. Однако слоги, предшествующие последнему икту, мелодизируются, а потому гораздо меньше походят на читок. Это качество минимизирует сходство ритмоформул *гадальных* напевов с гласовыми²³, где с последним ударным слогом каждого стиха связаны не только ритмические, но и любые звуковысотные «события» (пример 6).

Пример 6. Гадальная песня²⁴

Example 6. Fortune telling song

²³ Проявление ритмической мобильности в песнях-загадках требует дополнительного изучения, тем более что в некоторых напевах она достигает столь высокой степени, что теряет какую-либо структурную определенность.

²⁴ Перемышльский р-н, д. Воробьевка (с/п Горки). Пела Дворникова М. В. (1904, д. Рядовка). Записали: Трохин В., Ляшков Ю., Ляшкова Н., Лаптева Е., 1983. Архив МЭЦ РАМ, CD 4314–10. Нотировала Калужная В.

В песнях-загадках, записанных в д. Гулёво Перемышльского района, зафиксирован иной пример церковной реминисценции. В отличие от припевов типа «На чём вынется, на том сбудется», содержание которых связано с утверждением ранее прозвучавшего предсказания, рефрен гулёвских песен — «Исайя, ликуй, цалуй, не баркуй»²⁵ (пример 7). Его первые слова, «Исайя, ликуй», полностью совпадают с началом первого из тропарей, которые поются при совершении церковного обряда венчания. Звучанием этих тропарей сопровождается один из самых ярких эпизодов таинства — обведение жениха и невесты вокруг аналоя. Возможно, актуальность подобного рефрена связана с потенциальным замужеством как единственным предметом гаданий в Гулёво (по сообщению исполнительницы, гадали в Гулёво только девушки). Вместе с тем, по устному свидетельству этномузыколога И. А. Савельевой, обследовавшей Тульскую область в близких географических границах, там подобные припевы распространены шире и встречаются не только в гадальных песнях, но и в хороводных.

Пример 7. Гадальная песня²⁶

Example 7. Fortune telling song

Рассмотренные примеры обнаруживают значительное влияние церковно-певческой культуры на музыкальный облик местного календаря. Оно распространяется на все его сферы, предполагающие звучание обрядовых напевов²⁷, становясь решающим в сорокадневном пасхальном периоде. Очевидно, что тесное и продуктивное взаимодействие двух музыкальных систем, фольклорной и церковно-певческой, является отличительной чертой верхнеокской музыкальной традиции в очерченных географических рамках. Вместе с тем подобные свойства могут обнаружиться и в иных песенных системах, испытавших значительное влияние христианства, в том числе по причине близкого соседства с монастырями. Дальнейшее изучение этого феномена способно открыть новое, пусть и не магистральное, но интересное и перспективное на-

²⁵ По словам исполнительницы, «не баркуй» — значит «не хварси», то есть «не задавайся».

²⁶ Перемышльский р-н, д. Гулёво (с/п Макарово). Пела Дряничева А. Г. (1935). Записали: Калюжная В., Зубкова Л., Иркина Е., 2022. Архив МЭЦ РАМ, DVD 2536–1419. Нотировала Калюжная В.

²⁷ Троицких и жатвенных обрядовых песен в калужском Поочье не зафиксировано, музыкальное наполнение соответствующих периодов составляют хороводные и лирические песни.

правление в современном этномузыкознании, расширяющее исследовательское представление о многомерности традиционной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстая С. М. Христианство и народная культура: механизмы взаимодействия // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. — Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. 111–120.
2. Шереметева М. Е. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. — Калуга, 1929. — 56 с.
3. Беглов А. Л. Тайные монашеские общины советского периода. Проблемы типологии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. — 2022. — Вып. 108. — С. 126–151. — DOI: 10.15382/sturII2022108.126-151
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. — СПб.: Деловая полиграфия, 2005. — 648 с.
5. Подрезова С. В. «Кричать Христа»: Пасхальный тропарь в русской фольклорной традиции / Светлана Подрезова; науч. ред. Г. А. Левинтон, И. С. Попова. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 510 с.
6. Горянина Н. Ю. «Христоскать можно...» (пасхальный тропарь в предпасхальный период) // Экспедиционные открытия последних лет: Статьи и материалы. Вып. 2. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1982–2006 гг. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. — С. 92–97.
7. Исмаилова Е. И. Православные песнопения в фольклорных традициях сибирского бытования / Отв. ред. Н. В. Леонова. — Новосибирск: Наука, 2021. — 240 с.
8. Енговатова М. А. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в народной песенной традиции западных русских территорий // Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970–1990-х годов. Статьи и материалы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 72–87. (Серия «Фольклор и фольклористика».)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

В. П. Калюжная — кандидат искусствоведения, доцент кафедры этномузыкологии Российской академии музыки имени Гнесиных, главный хранитель фондов Музыкально-этнографического центра имени Е. В. Гиппиуса.

REFERENCES

1. Tolstaya S. M. Khristianstvo i narodnaya kul'tura: mekhanizmy vzaimodeistviya [Christianity and Folk Culture: Mechanisms of Interaction]. Tolstaya S. M. Obraz mira v tekste i rituale [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2015. P. 111–120.
2. Sheremeteva M. E. Zhenskaya odezhda v b. Peremyshl'skom uezde Kaluzhskoi gubernii [Women's Clothing in the Former Peremyshl District of Kaluga Province]. Kaluga, 1929. 56 p.
3. Beglov A. L. Tainye monasheskie obshchiny sovetskogo perioda. Problemy tipologii [Secret Monastic Communities of the Soviet Period. Problems of Typology]. Vestnik PSTGU [Bulletin of PSTGU]. Issue 108. 2022. P. 126–151. DOI: 10.15382/sturII2022108.126-151
4. Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrayy. Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva [Russian Peasants. Life. Life Manners. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 3. Kaluzhskaya guberniya [Kaluga Province]. St. Petersburg: Delovaya poligrafiya, 2005. 648 p.

5. *Podrezova S. V.* "Krichat' Khrista": Paskhal'nyi tropar' v russkoi fol'klornoi traditsii ["Crying out Christ": Easter Troparion in the Russian Folklore Tradition] St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. 510 p.
6. *Goryanina N. Yu.* "Khristoskat' možno..." (paskhal'nyi tropar' v predpaskhal'nyi period) ["You can say Christ..." (Easter Troparion in the Pre-Easter Period)]. *Ekspeditsionnye otkrytiya poslednikh let: Stat'i i materialy* [Expedition Discoveries of Recent Years: Articles and Materials]. Vol. 2. *Narodnaya muzyka, slovesnost', obryady v zapisyakh* [Folk Music, Literature, Rituals in Recordings of 1982–2006] St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2009. P. 92–97.
7. *Ismagilova E. I.* *Pravoslavnye pesnopeniya v fol'klornykh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya* [Orthodox Chants in Folklore Traditions of Siberian Existence]. Novosibirsk: Nauka, 2021. 240 p.
8. *Engovatova M. A.* Paskhal'nyi tropar' "Khristos voskrese" v narodnoi pesennoi traditsii zapadnykh russkikh territorii [Easter Troparion "Christ is Risen" in the Folk Song Tradition of Western Russian Territories]. *Ekspeditsionnye otkrytiya poslednikh let. Narodnaya muzyka, slovesnost', obryady v zapisyakh 1970–1990-kh godov. Stat'i i materialy.* [Expeditionary Discoveries of Recent Years. Folk Music, Literature, Rituals in Recordings of the 1970s–1990s. Articles and Materials] St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1996. P. 72–87.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Varvara P. Kalyuzhnaya — Cand.Sci. (Arts), Associate Professor of the Department of Ethnomusicology at Gnesin Russian Academy of Music, Chief Curator of collections of the Music and Ethnographic Center named after E. V. Gippius.

Поступила в редакцию / Received: 10.10.2024

Одобрена после рецензирования / Revised: 21.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 04.12.2024